
Г. М. ПРОХОРОВ

Стихотворное начало приписки Лаврентия к Лаврентьевской летописи

«Лаврентей мних», завершив 20 марта 1377 г. написание летописи, названной впоследствии по его имени Лаврентьевской, сделал большую приписку к ней, где назвал и себя, и время начала и окончания своего труда, и великого князя Дмитрия Константиновича как человека, которому предназначалась книга, и благословившего создание рукописи «*священнаго епископа Дионисия*»

В приписке три части: средняя — информативная, а первая и последняя, можно сказать, литературные. Хотя это не совсем точно: Лаврентий называет себя именно в первой части, где уподобляет труд книгописца и радость окончания этого труда трудам и радостям купца, капитана и странника: «*Радуетса купецъ, прикупъ створивъ, и кормьчии въ штишье приставъ, и странникъ въ штьчьство свое пришед, тако же радуетса и книжныи списатель, дошедъ конца книгама. Тако же и азъ, худыи недостонныи и многогрѣшныи рабъ Божии Лаврентей мнихъ*».¹

Знал ли писец-мних Лаврентий, что прототипом этой части его приписки являются греческие 12-сложные ямбические стихи? Стихи эти довольно обычны в приписках писцов греческих рукописей. Вот как они выглядят, к примеру, в греческой хранящейся в Риме рукописи 1397 г.:

Ἔσπερ ξένοι χαίρουσιν ἰδεῖν πατριδα,
καὶ οἱ θαλαττεύοντες ἰδεῖν λιμῶνα,
καὶ οἱ πραγματευόντες ἰδεῖν τὸ κέρδος,
καὶ οἱ ἄσθενοῦντες ἰδεῖν ὑγίειαν, οὕτω
καὶ οἱ γράφοντες ἰδεῖν βιβλίου τέλος.²

¹ См Лаврентьевская летопись // ПСРЛ Л, 1926 Т 1 Стб 487—488 (курсивом выделены буквы, внесенные в строку из-под титула) Приписку Лаврентия воспроизведенной можно видеть также в книге Столярова Л В Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах М, 1998 С 354 № 52 (28)

² Rome, Bibl Vallicelliana, ms F 25, 1397 г, f 32r См Dated greek manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries in the libraries of Italy / By Alexander Turin Volume one Text University of Illinois Press Urbana, Chicago, London, 1972 P 260 А Турин пишет, что такого рода ямбические стихи довольно обычны в приписках писцов греческих рукописей, и указывает в качестве примера манускрипт 1301/1302 г из миланской Библиотеки Амброджиана, см с 102, см также с 58—59, 127, 215

В пословном переводе их можно представить так:

Как странники радуются, видя³ отечество,
и плавающие по морю, видя гавань,
и торгующие, видя прибыль,
и болющие, видя здоровье, так
и пишущий, видя книги конец

Третьей, заключительной частью своей приписки — «**И нынѣ, господа штици и братиѣ, вже сѣ гдѣ вѣдѣ шписалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправивая, Бога дѣла, а не клените...**» — Лаврентий вполне мог подражать писцу какой-то славянской или русской рукописи, так как в рукописях предшествующего времени обороты такого типа в приписках писцов довольно обычны. Уже в самой старшей датированной русской рукописи, Остромировом Евангелии 1056—1057 г., приписка писца Григория дьякона заканчивается таким образом: «**Молю всѣхъ почитающихъ: не мзѣте клати, нѣ исправльше почитанте. Тако бо и святы апостолъ Паулъ глаголетъ: благословите, а не клыѣте. Аминѣ**». Упомяну еще рукопись 1164 г., РГБ, Румянцевское собр., № 103, л. 270 об., в приписке к которой дьяка церкви Святых апостолов Константина-Добрилы читаем: «**...А, братыѣ и штици, аже вы кде криво, а, исправивъше, чѣтѣте же е, а не клыѣте**». ⁴ В продолжении этой приписки Константина-Добрилы мы находим и нечто отдаленно напоминающее начало приписки к Лаврентьевской летописи: «**...яко же радуѣтсѣя женихъ о невѣстѣ, тако радѣтсѣя писецъ, видѣ последний листъ**». ⁵ Судить о стихотворной природе этой фразы у нас нет оснований. Возможно, какая-то традиция такого рода сравнений труда писца издавна существовала у переписчиков на Руси, но широко распространена не была, так как других, хотя бы отдаленных по смыслу, предшественниц первой части приписки Лаврентия, кажется, неизвестно. Спустя же 21 год после времени его работы, в марте 1398 г., писец-черноризец Иоанн, переписчик Студийского устава, поместил в приписке к рукописи два сравнения рядом: «**...Радѣтсѣя купецъ, в домъ свои прішедъ, а корабель в тихо пристанище прішедъ, тако же штрѣшитсѣя волъ шт ярма, так писатель, книги кончавъ...**». ⁶ Если этот писец Иоанн и знал приписку Лаврентия, то явно не имел ее перед глазами и не очень задумывался над тем, что пишет, так что у него получилось, что «радуется... корабль», и эта радость корабля, как и радость купца, оказалась вообще не связанной с радостью книгописца, так как между ними поместилось сравнение: «яко же отрешится волъ от ярма...». И, конечно же, черноризец Иоанн совершенно не думал о метрической основе греческого прототипа двух первых использованных им сравнений.

Но задумывался ли об этом мних Лаврентий? Знал ли он, что это стихи? Если он списывал первую часть своей приписки с какой-то русской или славянской

³ По-гречески здесь и далее буквально — «видеть».

⁴ См Столярова Л В Древнерусские надписи XI—XIV веков С 293 № 10 (3)

⁵ Там же

⁶ Там же С 374 № 69 (46) Рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 333, л 151 об

рукописи, то мог и не знать; если же брал за образец непосредственно приписку, завершающую труд книгописца-грека, или вообще был знаком с такого рода греческими приписками, то знать это вполне мог.

Так, серб Исая, на 6 лет раньше Лаврентия, в 1371 г., закончивший свой труд перевода на славянский язык корпуса сочинений, надписываемых именем Дионисия Арепагита, несомненно знал о стихотворной природе, ямбической и гекзаметрической, эпиграмм-эпиграфов, предшествующих и всему корпусу, и его частям, и стремился подражать им количеством слогов. Вот два примера.

Ямбы:

Τῶν τοῦ μεγίστου Διονυσίου λόγων
οὐκ ἄν τις εὔροι βίβλον ἀκριβεστέραν,
οὐκοῦν δικαίως, οὐδὲ κομωδεστέραν,
εἰ ταῦτα κόμπος, ἄργυρος καὶ πορφύρα.

От великаго Діонисна словъ⁷
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
не ѹбо кто шбрѣщеть книгѹ скѹпѣншѹ,⁸
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
всако праведнѣ, ни же высочаншѹю,
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
аще сна высока, сревро и порфіра.⁹
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

А это оттуда же гекзаметры:

Ἀγγελικῆς σοφίης ἀμαρύγματα πολλὰ κυχήσας
Ἀνθρώποις ἀνέφηνας ἰδεῖν νοοῦνθενον Ἄστρον.

Аггальскыя прѣмѹдрости свѣтлости многыя разѹмѣвъ,
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17
чловѣкъмъ явиль еси видѣти ѹмосъставнѹю звѣздѹ.¹⁰
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

Разложить начало приписки Лаврентия на строки, соответствующие строкам греческого 12-сложника, нетрудно:

Радѹется купецъ, прикупъ створивъ,
и кормчии въ ѡтншье приставъ,
и странникъ въ ѡтъчьство свое пришедъ,
тако же радѹетс и книжныи писатель,
дошедъ конца книгамъ. Тако же и азъ,
хѹдыи недостонныи и многогрѣшныи
рабъ Божии Лаврентен мнѹхъ.

⁷ «Ерь» в конце генитива плоралис читался в сербском как «а» и часто бывал на письме удвоен.

⁸ Здесь и далее подчеркиваю буквы, обозначающие звуки, подлежащие элизии.

⁹ См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 28—29.

¹⁰ Там же. С. 30—32.

Но по каким же правилам следовало бы читать этот текст, если бы Лаврентий действительно знал, как строятся соответствующие греческие стихи, и стремился им подражать? Очевидно, прежде всего, по греческим, которым следовал и современник Лаврентия переводчик Исайя. Это означает, что при встрече гласных в конце одного и начале другого слова должна происходить элизия, слияние звуков. Если допустить также, что редуцированный в конце слова внутри строки является у Лаврентия слогаобразующим, что «ни», «еи» и «ои» надо читать как «ии» (а не как «ий»), «ои» (а не «ой») и «еи» (а не «ей»), а «ыи» — как «ый»), то можно прочесть эту часть приписки Лаврентия как 12-сложные ямбы, за исключением только завершающей строки, тоже подпадающей прочтению в ритме ямба, но 10-сложной, либо 8-сложной:

1	Радѹетсѧ купецъ прикупѣ створивѣ. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
2	и кормьчии въ отишьѣ приставѣ 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
3	и странникъ въ штьчьство свое пришед. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
4	такѡ же радѹетсѧ и книжньи писатель. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
5	дошедь конца книгамъ. Тако же и азъ 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
6	х҃удыи недостонныи и многогрѣшныи. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
7	равѣ Божии Лаврентеи мнихъ. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Если же при прочтении этих строк «ни» читать как «ий», «еи» как «ей»), а «ер» перед «о» и «ш» считать сливающимся с этими гласными, то получится следующее:

1	Радѹетсѧ купецъ прикупѣ створивѣ. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
2	и кормьчии въ отишьѣ приставѣ 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
3	и странникъ въ штьчьство свое пришед. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
4	такѡ ж радѹетсѧ и книжньи писатель. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
5	дошедь конца книгамъ. Тако же и азъ 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
6	х҃удыи недостонныи и многогрѣшныи. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
7	равѣ Божии Лаврентеи мнихъ. 1 2 3 4 5 6 7 8

В таком случае вторая строка оказывается не 12-, а 10-сложной, а последняя, седьмая, не 10-, а 8-сложной. Обе они остаются, однако же, ямбическими.

Уверенности, что мы не делаем ошибок при счете и так и сяк слогов в славянском тексте (в отличие от счета их в греческом), у меня нет. Но, во всяком

случае, то, что нижегородский писец Лаврентий, как и его современник серб Исая на Балканах, имел представление о греческом стихосложении и, начиная свою знаменитую приписку, старался подражать 12-сложным ямба выходных записей писцов-греков, мне кажется очевидным.